

УДК 316.356.2(470.67) + 314.146(470.67)

**РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)**

© 2017 г. Э. М. Загирова

*Региональный центр этнополитических исследований
Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала*

Реформы в современном дагестанском обществе имели непосредственное влияние на семейно-брачную жизнь, ибо свойственные ей изменения сказываются на репродуктивной функции семьи, тем самым активизируя исследование репродуктивных процессов, а также обстоятельств воздействующих положительно и отрицательно на состоянии семьи и семейного поведения. Раскрывается процесс развития и трансформации института семьи и тесно связанного с ним репродуктивного поведения. На основе результатов исследования сделан вывод о том, что игнорирование существующих в семейно-брачной сфере проблем обуславливает ухудшение репродуктивного поведения дагестанцев, способствуя появлению негативных тенденций в институте семьи. Также показано характерное дагестанским народам репродуктивное поведение, динамика изменения их репродуктивных установок при планировании деторождения, оценка и отношение к искусственному прерыванию беременности и материнству.

Ключевые слова: *дагестанские народы; репродуктивные установки; репродуктивное поведение; семейно-брачная сфера; семья; семейные ценности; институт семьи; материнство.*

Development and transformations of a family institution are closely related with reproductive behavior reveals. Basing on the results of sociological research, author presents a review of the Dagestan peoples reproductive behavior; dynamics of the reproductive paradigms' changing during a child-bearing planning, assessment and the attitude to abortion and motherhood.

Key words: *Dagestan peoples; the reproductive attitudes and reproductive behavior; marital issues; family; family values; the family institution; motherhood.*

Введение: постановка проблемы

Проходившие в России радикальные реформы 90-х гг. XX в. отвлекли внимание государственных структур от повседневных проблем в деятельности ряда социальных институтов, в числе которых оказалась и российская семья. Снижение внимания к ней привело к развитию чрезвычайно неблагоприятных социальных последствий, среди которых рост подростковой наркомании, раннее материнство и внебрачные дети, криминализация и преступность несовершеннолетних, насилие над детьми в семье, а также социальное сиротство [2, с. 102].

В настоящее время актуализировано ус-

тановление реального положения и социального статуса женщины в обществе. Активизация данного аспекта обусловлена преобразованиями в общественно-политической жизни, ростом активности женщин практически во всех общественных сферах — политическом, экономическом и т. д. Следовательно, такие изменения закономерно приводят к изменению семейно-бытовых принципов в общественном сознании, что проявляется в стремлении женщины занять определенную нишу, обозначить свою востребованность не только как женщины, матери, но и в других общественных сферах.

Важнейшую роль в установлении статуса

женщины, особенно в поликонфессиональном пространстве, традиционно выполняют сложившиеся национальные и религиозные компоненты. При этом нельзя исключать возможного противостояния национальных и религиозных традиций либерально-демократическим ценностям, универсальным человеческим правам. Тревогу вызывает игнорирование принципа универсальности в сфере ущемления прав человека, особенно в отношении женщин [1; 4].

Динамика репродуктивного поведения определяется не только социально-экономическими факторами, но и социально-психологическими, напрямую коррелирующимися с этнокультурными и конфессиональными условиями социализации личности, традиционными/модернистскими установками. Этнические репродуктивные установки отражают принципы и образцы поведения, связанные с рождением определенного числа детей, характерные для отдельных народов. Нормы детности способны превращаться в устойчивые обычаи и традиции, сохраняющиеся на протяжении многих поколений [3, с. 82].

В данной статье на основе результатов социологического опроса рассматривается репродуктивное поведение дагестанских народов, их отношение к материнству и искусственному прерыванию беременности, планирование желаемого и ожидаемого числа детей.

Эмпирическая база исследования

Прикладную часть исследования составляют результаты, проведенного автором социологического опроса по изучению традиционной дагестанской семьи, а также выявления факторов ее разрушения и тенденций развития. Основным методом сбора информации является анкетирование. Исследование проведено методом случайного отбора. Распределение респондентов по этнической принадлежности: аварцы — 29,2%, азербайджанцы — 4,5%, агулы — 1,0%, даргинцы — 16,9%, кумыки — 14,8%, лакцы — 5,5%, лезгины — 13,2%, ногайцы — 1,4%, русские — 3,6%, рутулы — 0,9%, табасаранцы — 3,2%, цахуры — 0,3%, другие — 5,0%; по образовательному признаку: базовое среднее —

9,1%, среднее — 26,6%, среднее специальное — 48,7%, высшее и незаконченное высшее — 15,6%; по возрасту: до 20 лет — 32,0%, от 20 до 30 лет — 28,6%, от 30 до 40 лет — 15,2%, от 40 до 50 лет — 12,4%, от 50 до 60 лет — 7,3%, от 60 лет и выше — 4,7%; по гендерному признаку: мужчины — 50,2%, женщины — 49,8%.

Репродуктивные установки дагестанских народов

По мнению отечественных исследователей, актуальность данной проблематики обусловлена, прежде всего, социально-экономическими изменениями в России, которые проявились, помимо всего прочего, в вытеснении желания иметь более одного ребенка другими, более социально престижными желаниями. В результате в среднестатистической городской российской семье число детей составляет 1,15 ребенка. Базой такого неблагополучия в семейно-брачной сфере является не только изменения в репродуктивном поведении женщины и новое понимание ею своей материнской роли. Не менее важную роль в изменении демографического поведения семьи сыграла и кардинальная трансформация самого института семьи [6, с. 95]. Таким образом, научное осмысление репродуктивного поведения и мотивации иметь детей представляется важным аспектом в современной фамилистике.

Какие установки существуют в установках опрошенных дагестанских народов в определении репродуктивного поведения? Для выяснения существующих в семейно-брачной сфере тенденций в нашем исследовании был задан вопрос: «Как вы считаете, должна ли каждая женщина обязательно стать матерью (родить ребенка)?». По всему массиву доминирует суждение «если состояние здоровья позволяет ей стать матерью» (73,6%), разделяемое по этнической принадлежности 79,8% опрошенных лезгин, 78,5% кумыков, 77,6% аварцев, 71,2% лакцев, 70,2% чеченцев, 68,5% русских и 63,9% даргинцев; противоположное суждение «не обязательно, это личный выбор каждой женщины» разделяет каждый четвертый опрошенный среди чеченцев, даргинцев и русских,

каждый пятый опрошенный среди лакцев, каждый седьмой опрошенный среди аварцев, кумыков и лезгин. По всему массиву доля затруднившихся ответить составляет 6,5% и выделяются здесь респонденты русские и даргинцы (каждый десятый опрошенный). В нашем исследовании для нас интерес представляет полученные на данный вопрос результаты по возрастному критерию. Так доля респондентов придерживающихся позиции, что женщина обязательно должна стать матерью, если нет противопоказаний по состоянию здоровья, варьируется в пределах от 72,5% в подгруппе «до 20 лет» до 80,0% «от 60 лет и выше»; при этом, доля отмечающих необязательность материнства, по сравнению с другими подгруппами, больше в когорте «до 20 лет» (19,2%), «от 20 до 30 лет» (19,6%) и «от 30 до 40 лет» (18,6%), в противовес 15,5% «от 40 до 50 лет», 16,0% «от 50 до 60 лет» и 14,3% «от 60 лет и выше». Таким образом, поколению, умудренному жизненным опытом, выросшему, как правило, в многодетной семье, характерно обозначать важность и ценность материнства, детства и семьи.

Важным критерием репродуктивного поведения выступает репродуктивная мотивация. Основными факторами, которые способны играть существенную роль в снижении рождаемости являются экономическое положение, уровень жизни, наличие/отсутствие возможности самостоятельно обеспечивать семью, особенно материальная обеспеченность молодой семьи, а также материальная помощь со стороны родителей одного из супругов, плохие жилищные условия. Нельзя сбрасывать со счетов и такой факт, что в ограничении числа детей может сыграть ориентированность супругов на карьеру и карьерный рост, а также сознательный отказ от детей независимо от обстоятельств, прерывание беременности и т. д.

Искусственное прерывание беременности представляет собой большой риск для здоровья женщин, с которым они сталкиваются в репродуктивном возрасте. Причем против данного медицинского вмешательства активно выступает духовенство, предлагая исключить данную услугу из перечня обяза-

тельных. Однако, несмотря на обсуждения данного акта, официальные данные показывают омоложение абортотворчества, что вызывает большую тревогу у медицинского сообщества. В нашем исследовании по изучению традиционной семьи был задан вопрос, позволяющий выявить отношение опрошенных к искусственному прерыванию беременности (см. табл. 1).

Результаты проведенного нами исследования показывают превалирование в массовом сознании дагестанских народов суждения, демонстрирующего положительное отношение к абортам с мотивацией «если это угрожает здоровью женщины и предписано врачом» (первое ранговое место); по национальному разрезу его придерживается больше половины опрошенных русских, каждый второй среди опрошенных аварцев, лакцев и лезгин, каждый третий опрошенный среди даргинцев и кумыков, и, по сравнению с другими подгруппами, меньше всего отметивших данное суждение среди чеченцев. На второй позиции располагается позиция «отрицательно, по религиозным канонам — это грех», отмеченное более чем половиной опрошенных чеченцев, каждым третьим опрошенным среди аварцев, даргинцев, кумыков и лакцев, каждым четвертым опрошенным среди лезгин. Далее третье ранговое место занимает отрицательное суждение с мотивацией «нельзя убивать не родившегося ребенка», которое ближе каждому третьему опрошенному по всему массиву, такой же доле аварцев и даргинцев, каждому четвертому опрошенному среди кумыков, лезгин, русских и лакцев. При этом отрицательного отношения к аборту и позиции «если женщина забеременела, она обязана родить» придерживается каждый пятый опрошенный среди даргинцев, доля таковых в остальных этнических подгруппах заметно ниже. Кроме того, суждения «положительно, если эта нежеланная беременность» и «положительно, если материальное состояние семьи не позволяет иметь больше детей» находятся на предпоследних местах и всему массиву их разделяет каждый одиннадцатый опрошенный. При анализе полученных результатов исследования по возрастному признаку

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к искусственному прерыванию беременности (абортам)?» (варианты ответов даны по группам национальностей в % от общего количества опрошенных)

Варианты ответов // Национальности	Положительно, если это угрожает здоровью женщины и предписано врачом	Положительно, если это нежеланная беременность	Положительно, если материальное состояние семьи не позволяет иметь больше детей	Отрицательно, по религиозным канонам — это грех	Отрицательно, нельзя убивать неродившегося ребенка	Отрицательно, если женщина забеременела, она обязана родить
Аварцы	43,3	10,6	10,3	37,9	28,9	13,4
Даргинцы	37,8	6,5	8,2	32,3	34,7	20,3
Кумыки	31,1	15,6	7,4	34,8	24,4	10,4
Лакцы	50,0	11,5	10,6	30,8	26,9	14,4
Лезгины	41,3	7,3	14,7	22,9	27,5	15,6
Русские	53,7	9,3	16,7	11,1	33,3	14,8
Чеченцы	19,0	2,4	0	67,9	14,3	10,7
Другое	36,7	8,0	10,0	30,0	30,7	13,3
Всего:	39,3	9,1	9,5	34,4	28,9	14,8

можно заметить отличия по подгруппам. Так, больше половины опрошенных «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше», каждый второй опрошенный «от 30 до 40 лет» и «от 40 до 50 лет» положительно относятся к возможности искусственного прерывания беременности при угрозе здоровью будущей матери, доля таковых в подгруппах «до 20 лет» и «от 20 до 30 лет» составляет 31,5% и 36,9%, соответственно; по гендерному признаку данную позицию разделяет большая, по сравнению с респондентами мужчинами доля женщин — 41,5% и 34,1%, соответственно. При этом каждому третьему опрошенному в возрастных подгруппах «до 20 лет» (39,5%), «от 20 до 30 лет» (39,9%), «от 40 до 50 лет» (32,3%) характерно подчеркивание значимости религиозных предписаний, доля таковых в остальных подгруппах заметно меньше «от 50 до 60 лет» (26,4%), «от 30 до 40 лет» (21,6%) и «от 60 лет и выше» (14,3%); также можно отметить отличия в позициях опрошенных мужчин

и женщин, которые подчеркивают значимость конфессионального компонента — 40,8% и 31,7%, соответственно. По типу религиозности наибольшая доля придерживающихся позиции о недопустимости аборт в подгруппе убежденно верующих (49,2%) и верующих (33,2%), в то время как таковых в остальных подгруппах в 2–2,5 раза меньше: 4,2% неверующих, 16,5% колеблющихся и 16,7% убежденно неверующих.

Далее, придерживающихся суждения о необходимости беречь, даже еще и не родившегося ребенка, заметно больше в подгруппе «до 20 лет» (36,2%), «от 20 до 30 лет» (28,9%) и «от 30 до 40 лет» (27,6%), в остальных подгруппах каждый пятый опрошенный; по гендерному признаку почти одинаковая доля мужчин (29,8%) и женщин (29,9%). Иными словами, наше исследование показывает заметные отличия в репродуктивном поведении разных возрастных подгрупп. Очевидно, что конфессиональный фактор может

оказывать влияние на установки и ценности репродуктивного поведения опосредовано и проявляться через возрастные различия. Если обратиться к дагестанским исследователям, то они в своих работах подчеркивают значимость религиозного признака в семейно-брачной сфере мусульманских народов [5, с. 57].

Таким образом, отношение к искусственному прерыванию беременности в современном дагестанском обществе довольно неоднозначно и для опрошенных характерны различные подходы к данной процедуре. Большинство опрошенных независимо от этнической, гендерной, возрастной принадлежности или типа религиозности последовательно защищают мысль о недопустимости абортов в силу религиозных запретов, с существенной оговоркой при наличии опасности для здоровья женщины.

Далее в нашем исследовании был задан вопрос «Когда в семье должен появиться первый ребенок?», который показал бы отношение дагестанцев к планированию деторождения. Полученные результаты нашего исследования показывают отсутствие в позициях опрошенных четкого понимания репродуктивной мотивации и им ближе позиция «в любое время, которое покажется нужным для конкретной семьи» (40,5%), доминирующее по всему массиву, а также в установках каждого второго опрошенного среди аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин и более половины русских респондентов. На второй позиции располагается суждение «сразу же после брака» (25,9%), разделяемое каждым вторым опрошенным среди чеченцев, каждым третьим опрошенным среди кумыков, каждым четвертым опрошенным среди аварцев и лакцев, каждым пятым опрошенным среди даргинцев, лезгин и русских. При этом каждый пятый опрошенный по всему массиву, наибольшая доля респондентов кумыков при планировании детей обозначают значимость социальной и материальной устойчивости, доля разделяющих данную позицию в остальных подгруппах заметно ниже. Далее на проверку своих чувств и психологической совместности указывает каждый восьмой опрошенный по всему массиву и относитель-

но больше доля таковых среди респондентов даргинцев (16,5%), аварцев (14,2%), лакцев (10,6%) и кумыков (10,4%).

Какие же репродуктивные установки характерны для разных возрастных категорий? По нашему исследованию, опрошенные в возрастных подгруппах «до 20 лет» (40,6%), «от 20 до 30 лет» (41,6%), «от 30 до 40 лет» (44,2%), «от 40 до 50 лет» (40,0%) и «от 50 до 60 лет» (38,7%) считают, что появление первенца должно быть запланированным процессом; 48,6% в разрезе «от 60 лет и выше» придерживаются позиции, что ребенок должен появиться сразу после брака. По сравнению с другими подгруппами, 15,1% опрошенных в когорте «от 50 до 60 лет» считают, что планировать детей нужно после проверки супругами своих взаимоотношений.

Таким образом, проведенное нами социологическое исследование показывает: 1. препятствиями в репродуктивном поведении опрошенных дагестанских народов могут быть финансово-материальные проблемы, состояние здоровья супруга (супруги), страх за будущее своих детей, моральная, психологическая неготовность, ориентированность на поддержание полноценной личной жизни, профессионального и интеллектуального развития; 2. для массового сознания дагестанских народов характерно негативное отношение к искусственному прерыванию беременности с самой разной мотивацией, причем можно заметить отличия по возрастным разрезам, в той или иной степени, упор делается на религиозные предписания; 3. в репродуктивных установках дагестанских народов отсутствует четкая позиция в планировании деторождения, причем допускается возможность свободного отношения к возможности появления ребенка в каждой конкретной семье.

Литература

1. Гафиагулина Н. Х., Верещagina А. В., Шахбанова М. М. Повседневные социальные практики как способ идентификации российской студенческой молодежи. // *The Caucasus and the World*. — 2015. — №20.

2. Дементьева И. Ф. Социальное само-

чувствие семьи. // Социологические исследования. — 2008. — №9. — С. 102.

3. *Зинурова Р. И.* Особенности репродуктивного поведения в российских регионах. // Социологические исследования. — 2005. — №3. — С. 83.

4. *Шахбанова М. М.* Российская идентичность и специфика межэтнического взаимодействия дагестанских народов. // Вестник Института истории, археологии и этногра-

фии. — 2016. — №1 (45).

5. *Шахбанова М. М.* Религиозная ситуация в республике: состояние и тенденции (по материалам социологического опроса). // Региональные аспекты социальной политики. — 2008. — №10. — С. 57.

6. *Шевченко И. О., Шевченко П. В.* Большая семья — какая она? // Социологические исследования. — 2005. — №1. — С. 95.

Поступила в редакцию

13 февраля 2017 г.

Эльвира Махачевна Загирова — аспирант Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН.

Elvira Makhachevna Zagirova — postgraduate of the Regional Center for Ethno-Political Research of the Russian Academy of Sciences' Dagestan Scientific Center.

367030, респ. Дагестан, Махачкала, ул. Ярагского, 75
75 Yaragskogo st., 367030, Makhachkala, Dagestan rep., Russia
Тел.: +7 8722 67 06 20; e-mail: elvira.2005@inbox.ru